

МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-96-106

Иван Игоревич СИНЯКИН

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8899-4219

Екатерина Алексеевна КОПЫЛОВА

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0893-6044

РИМСКИЙ СТАТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И ПРАВОВОЙ СТАТУС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ. В настоящей статье авторы подробно останавливаются на международно-правовой квалификации уведомления Российской Федерации не становиться участником Римского статута и его последствий, а также на международно-правовом статусе Российской Федерации с позиции теории права международных договоров, что представляется актуальным как для дальнейшего сотрудничества между Россией и МУС, так и для последующей квалификации аналогичных действий государств.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве материалов в работе использованы международные договоры, официальные заявления государств, а также доктринальные исследования в области права международных договоров. Методологической основой исследования выступают специально-юридическое, узואльное, нормативное, телеологическое и систематическое толкование международных договоров, общенаучные, а также частные методы познания, характерные для юридических наук, в том числе логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе проведенного исследования авторы обращают внимание на то, что после подписания Президентом РФ распоряжения от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» появилось немало вопросов касательно международно-правового статуса России. Не добавило ясности и Министрство иностранных дел РФ: использованная в его официальных заявлениях терминология с точки зрения международного права породила противоречивые выводы относительно не только прав и обязанностей России с момента уведомления не стать участником Римского статута, но и ее международно-правового статуса в период между подписанием этого договора и вышеуказанным уведомлением (договаривающееся государство, государство-участник или третье государство).

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В настоящей статье авторы обращают внимание на возможные негативные последствия подобных

официальных заявлений для ценности и юридической значимости международно-правовой позиции России. Авторы приходят к выводу, что никаких существенных перемен в международно-правовом статусе России не произошло. Имело место пренебрежение юридически закрепленными, общепризнанными формулировками и обращение к обиходной терминологии, что в итоге исказило суть события и создало смысловую путаницу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право международных

договоров, международное уголовное право, третье государство, ратификация, толкование международных договоров, Римский статут Международного уголовного суда, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Синякин И.И., Копылова Е.А. 2017. Римский статут Международного уголовного суда и правовой статус Российской Федерации. – Московский журнал международного права. № 4. С. 96–106.

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-96-106

INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-96-106

Ivan I. SINYAKIN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8899-4219

Ekaterina A. KOPYLOVA

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0893-6044

ROME STATUTE OF INTERNATIONAL CRIMINAL COURT AND LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN FEDERATION

INTRODUCTION. *This article examines the legal consequences attached to the Russia's notification of its intention not to become a party to the ICC. The authors point out the confusing language employed by Russian Ministry for Foreign Affairs in its attendant declarations and highlight the necessity to strictly stick to legal terminology especially in documents and speeches intended as a message to foreign States. These materials express the official position of the Russian Federation and need to be unequivocal and not subject to interpretation. Otherwise, a*

State taking liberty with terminology in its official declarations takes a risk of assuming in the eyes of international community obligations that it did not intend to assume. The authors' remarks may be used in the future interactions with the ICC and generally in similar situations.

MATERIALS AND METHODS. *The article uses treaties, declarations of States and doctrinal research on the law of treaties. The authors rely on various methods to reach their conclusions, among which treaty interpretation is most frequently used.*

RESEARCH RESULTS. *In the article the authors show that on 16 November 2016, Russia disclosed its intention not to become a party to the 1998 Rome Statute of the International Criminal Court. The Ministry for Foreign Affairs stressed that although fighting against impunity, including collectively through international tribunals, is of the utmost importance to Russia, in its view, the ICC has not lived up to the expectations held at the Rome diplomatic conference. The Ministry pointed out the disproportionality between the finances spent by the Court in fourteen years of work and only four verdicts rendered. It also indicated understanding the decision of several States-parties to initiate proceedings to withdraw from the Statute.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In this article the authors draw attention to potential adverse effect of such declarations and notifications on the*

legal status of the Russian Federation. The article concludes that no substantial changes have affected the status of the Russian Federation as a result of its decision not to become a party to the Rome Statute. Russian officials simply have had recourse to common language to express a legal concept thereby creating a confusion and distorting the reality.

KEYWORDS: *law of treaties, international criminal law, third state, ratification, interpretation of treaties, Rome Statute of International Criminal Court, Vienna Convention on the Law of Treaties*

FOR CITATION: Sinyakin I.I., Kopylova E.A. Rome Statute of International Criminal Court and Legal Status of the Russian Federation. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 4. P. 96–106. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-96-106

В ноябре 2016 г. Российская Федерация по прошествии 16 лет с момента подписания Римского статута Международного уголовного суда (далее – Статут) уведомила Генерального секретаря ООН о своем намерении не становиться участником данного международного договора. Причины подобного шага Российской Федерации уже становились предметом исследования в отечественной и зарубежной доктрине [Скуратова 2016:125–137]¹. В настоящей статье представляется целесообразным подробнее остановиться на международно-правовой квалификации указанного уведомления, его последствий, а также статуса Российской Федерации по отношению к Международному уголовному суду (далее – МУС) с позиции теории права международных договоров.

Используемая терминология. В основе юридической оценки действий Российской Федерации лежат формулировки, используемые в распоряжении Президента РФ от 16 ноября 2016 г.

№ 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда»² (далее – Распоряжение Президента) и официальных заявлениях Министерства иностранных дел РФ 16–17 ноября 2016 г. Необходимо отметить, что термины, применяемые в Распоряжении Президента и заявлениях, неидентичны и даже противоположны по значению, поскольку описывают не только разные совокупности прав и обязанностей для Российской Федерации, но и отличающиеся друг от друга правовые последствия.

В Распоряжении Президента действия Российской Федерации обозначаются как «направление уведомления о намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». В Заявлении МИД России от 16 ноября 2016 г.³ говорится: «Принятое Российской Федерацией решение не стать участником Статута МУС, или, иными словами, отозвать подпись под этим документом...» Аналогичные формулировки («решение

¹ См. также: Krieger H. Trumping International Law? Implications of the 2016 US presidential election for the international legal order. January 3, 2017. URL: <https://www.ejiltalk.org/trumping-international-law-the-implications-of-the-2016-us-presidential-election-for-the-international-legal-order/> (accessed date: 18.11.2017); Temprosa F.T. Withdrawals from the Rome Statute: Continuing the saga of institutional (il)legitimacy. April 11, 2017. URL: <http://www.mjilonline.org/withdrawals-from-the-rome-statute-continuing-the-saga-of-institutional-illegitimacy/> (accessed date: 18.11.2017).

² Собрание законодательства РФ. 2016. № 47. Ст. 6630.

³ Заявление МИД России от 16 ноября 2016 г. Доступ: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2523566 (дата обращения: 18.11.2017).

отозвать свою подпись под Статутом МУС»; «мы просто отозвали подпись под Статутом») содержатся в Брифинге официального представителя МИД России М.В. Захаровой 17 ноября 2016 г.⁴

Прежде всего обращает на себя внимание фраза «решение не стать участником Статута МУС, или, иными словами, отозвать подпись под этим документом». В данном изложении это означает, что «уведомление о решении не стать участником» и «отзыв подписи» – тождественные, взаимозаменяемые понятия. Однако подобное утверждение некорректно.

Во-первых, если фраза «направление уведомления о намерении Российской Федерации не стать участником» соответствует формулировке, содержащейся в п. а) ст. 18⁵ Венской конвенции о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) (далее – Венская конвенция), то словосочетание «отзыв подписи» ни в Венской конвенции, ни в Статуте не встречается ни разу.

Во-вторых, ни международное договорное, ни международное обычное право не содержит доказательств того, что рассматриваемые термины имеют одинаковое юридическое значение.

В-третьих, термин «отзыв» используется в Венской конвенции один раз (в Статуте отсутствует) – в ст. 68 – и относится к отзыву уведомлений и документов, имеющих целью объявление договора недействительным или прекращение договора; выход из него или приостановление его действия; указание мер, которые предполагается принять в отношении договора, а также их обоснования (ст. 65, 67). Иными словами, термин «отзыв» применяется в Венской конвенции к государствам – участникам международного договора, в то время как Российская Федерация участником Статута не была.

Обратимся к официальным переводам заявлений МИД России. Эти тексты на иностранных языках имеют крайне важное значение: именно они (помимо уведомлений, направленных депозитарию Статута) адресованы всем государствам; посредством этих текстов Российская Федерация разъясняет свою, в том числе и правовую, позицию по отношению к рассматриваемому международному договору.

Что касается терминологии, используемой в Распоряжении Президента, то здесь, как и в тексте на русском языке, присутствует строгое соблюдение формулировки п. а) ст. 18 Венской конвенции.

В заявлениях МИД России на английском языке приведенные выше цитаты сформулированы следующим образом: “*The decision of the Russian Federation not to become a party to the Rome Statute (to withdraw its signature from the Statute)...*” (Заявление МИД России от 16 ноября 2016 г.)⁶; “*decision to withdraw its signature from the ICC Statute*”, “*we simply revoked our signature under the Rome Statute*” (Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой 17 ноября 2016 г.).

В английских текстах заявлений МИД России словосочетанию «отзыв подписи» соответствуют сразу два выражения: “*withdraw*” и “*revoke*”. Термин “*revoke*” используется в Венской конвенции как эквивалент «отзыва» в вышеуказанной ст. 68 и «отмены» в ст. 37 (в отношении обязательств и прав третьих государств); в Статуте слово “*revoke*” отсутствует. Термин “*withdraw*”, согласно Венской конвенции, применяется для обозначения «снятия оговорок» (ст. 22–23) и «выхода из договора» (ст. 42–45, 54, 56, 61–62, 65, 67, 70); в Статуте термин “*withdraw*” используется в значении «выход из договора» (п. 6 ст. 121, ст. 127), а также применительно к снятию заявления о временном непризнании юрисдикции суда (ст. 124). Аналогичное употребление рассматриваемой терминологии присутствует и в Проекте статей по праву международных договоров 1966 г. [Yearbook... 1967: 206–209, 229–230, 236–239, 249–251, 259–266].

Схожая ситуация с терминами наблюдается и в аутентичных текстах Венской конвенции на французском и испанском языках.

Перевод заявления МИД России на французский язык (“*la décision de la Fédération de Russie d'être non-participant au Statut de la CPI ou, autrement dit, de révoquer sa signature de ce texte*”) способен ввести в заблуждение по ряду причин.

Во-первых, термин “*non-participant*” не только неизвестен Венской конвенции и праву между-

⁴ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой 17 ноября 2016 г. Доступ: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2529854 (дата обращения: 18.11.2017).

⁵ «Государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если: а) оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения, до тех пор пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора».

⁶ Заявление МИД России от 16 ноября 2016 г. Доступ: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news//asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2523566 (дата обращения: 18.11.2017).

народных договоров, но и в целом не является правовым.

Во-вторых, дословно это выражение переводится как «решение Российской Федерации стать неучастником Статута МУС». Последнее предполагает, что на момент принятия решения Россия была участником Статута, что не соответствует действительности, либо в договоре предусмотрен особый правовой статус («государство-не-участник»), что также неверно.

Глагол “*révoquer*” и производное от него существительное “*revocation*” встречаются в Венской конвенции – в ст. 37 и переводятся как «отмена» в отношении обязательств или прав третьих государств, а также в ст. 68, обозначая «отзыв» уже упомянутых выше уведомлений и документов.

Согласно испанскому тексту заявления, Российская Федерация приняла “*la decisión de no formar parte del Estatuto de la CPI, es decir, revocar la firma puesta debajo de este document*”. Производные от глагола “*revocar*” в испанском тексте Венской конвенции встречаются в ст. 37 и 68.

Ни во французском, ни в испанском аутентичных текстах Статута термины, которыми оперирует МИД России, не используются.

Таким образом, как следует из Венской конвенции, использованная в заявлениях МИД России терминология применяется к договаривающимся государствам⁷ («снятие оговорок»), государствам-участникам⁸ («снятие оговорок», «отзыв», «выход из договора») и третьим государствам (в части ст. 37 – «отмена обязательств и прав третьих государств»). Все три статуса государства подразумевают различный объем прав, обязанностей и правовых последствий с позиции Венской конвенции и права международных договоров в целом.

Правовой статус Российской Федерации. Рассмотрим, что представлял собой правовой статус России с момента подписания Статута (13 сентября 2000 г.) до направления уведомления о намерении не стать участником Статута (16 ноября 2016 г.). Российская Федерация не являлась ни договаривающимся государством, ни государством-участником, поскольку не имело место выражение согласия на обязательность договора (в данном случае – ратификация (в со-

ответствии с п. 2 ст. 125 Статута)). Временное применение Статута не предусмотрено в самом договоре, равно как и не согласовано участвовавшими в переговорах государствами. Согласно положениям ст. 34 Венской конвенции Статут не создавал в рассматриваемый период времени для Российской Федерации обязательств или прав без ее на то согласия.

Исходя из положений Венской конвенции, Российская Федерация – третье государство⁹. В то же время к России не применялись положения ст. 35–37 Венской конвенции: для возникновения прав и обязанностей Российской Федерации требовалось не только ее согласие, но и намерение участников Статута предоставить право или создать обязательство для третьего государства. К России также применим термин «участвующее в переговорах государство», т.е. государство, которое принимало участие в составлении и принятии текста договора (подп. «е» п. 1 ст. 2 Венской конвенции). Можно добавить, что Российская Федерация имела намерение стать участником договора (в противном случае не было бы смысла заявлять об обратном в соответствии с п. «а» ст. 18 Венской конвенции) и находилась в процессе оформления своего участия в Статуте.

Обязанности. Основной обязанностью Российской Федерации, по смыслу Венской конвенции, являлось предусмотренное ее ст. 18 требование воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели. Несмотря на то что в международно-правовой доктрине отмечается неопределенность содержания понятий «объект» и «цель» [Palchetti 2011:3–5; Djefal 2015:159–160], характера обязательства (моральное [Second report... 1957:73], политическое [Лукашук 2004:458–459]) и пределов действия обычно-правовой природы указанной нормы [Aust 2013:107–109; Sinclair, 1984:19, 43], можно тем не менее отметить, что обязанность Российской Федерации сводилась к добросовестному поведению, уважению основных обязательств по договору [Palchetti 2011:6–7] и несовершению каких-либо действий, которые негативно отразились бы на способности Российской Федерации выполнять положения Статута после его вступления в силу, делали бы невозможным дости-

⁷ ««Договаривающееся государство» означает государство, которое согласилось на обязательность для него договора, независимо от того, вступил ли договор в силу или нет» (подп. «f» п. 1 ст. 2) Венской конвенции.

⁸ ««Участник» означает государство, которое согласилось на обязательность для него договора и для которого договор находится в силе» (подп. «d» п. 1 ст. 2 Венской конвенции).

⁹ «Третье государство» означает государство, не являющееся участником договора» (п. «h» п. 1 ст. 2 Венской конвенции).

жение основной цели международного договора [Aust... 2013:107–109], а само вступление договора в силу – бессмысленным [Vienna Convention... 2012:220]. В случае нарушения данного обязательства Российская Федерация была бы привлечена к международной ответственности, вопрос о которой мог бы быть поднят государствами-участниками и договаривающимися государствами [Palchetti 2011:11; Vienna Convention... 2012:227]. В то же время следует отметить, что, поскольку указанное нарушение не является для Российской Федерации нарушением Статута (в силу статуса третьего государства), а Венская конвенция, содержащая ст. 18, не предпрещает ни одного из вопросов, которые могут возникнуть из международной ответственности государств (ст. 73 Венской конвенции), есть основания полагать, что характер ответственности будет не правовой, а морально-политический [Лукашук 2004:458].

Помимо указанной обязанности, Российская Федерация должна была соблюдать положения ст. 120, касающиеся запрета делать оговорки, и ст. 125 Статута, регулирующие выражение согласия государства на обязательность договора и функции депозитария, – положения, применяемые согласно п. 4 ст. 24 Венской конвенции с момента принятия текста договора. Следует отметить, что в данном случае речь идет лишь о необходимости соблюдения Российской Федерацией предусмотренных Статутом способов выражения согласия на обязательность. Обязанность ратифицировать Статут у Российской Федерации отсутствовала. Что касается функций депозитария (в рассматриваемой ситуации это необходимость направления Российской Федерацией уведомления о намерении государства не стать участником международного договора депозитарию), то данная обязанность вытекает также из ст. 78 Венской конвенции¹⁰.

В качестве третьего государства Российская Федерация обязана уважать заключенный договор, правосубъектность государств-участников, результаты его применения, а также не вмешиваться в процесс его осуществления при

условии, что Статут не нарушает прав и интересов России [Fifth Report... 1961:73, 96–101]. Вытекая из основных принципов международного права (принцип суверенного равенства государств, принцип невмешательства), данные обязательства признаются как в доктрине [Талалаев 1985:75–77], так и в практике, в том числе судебной [Лукашук 2004:208, 240]. После уведомления о намерении не стать участником Статута указанные обязательства подлежат соблюдению Российской Федерацией.

Отдельно следует прокомментировать сделанное в Брифинге официального представителя МИД России М.В. Захаровой 17 ноября 2016 г. заявление: «Римский Статут... обязывал Российскую Федерацию к определенным взаимоотношениям с МУС». В данном случае речь идет о добровольном содействии Российской Федерации деятельности Суда¹¹ – как государства, имевшего в тот момент намерение стать участником Статута. Безусловно, сам международный договор не содержал требований на этот счет и не мог обязать Россию к каким-либо взаимоотношениям с МУС. Более того, добровольное содействие Российской Федерации никак не отражалось на ее правовой позиции или статусе, не являлось признанием Россией обязательств по Статуту, дополнительных к тем, что указаны выше.

Немаловажным в рассматриваемый период являлось также и добросовестное выполнение вышеуказанных обязательств, а также воздержание от злоупотребления правами [Талалаев 1980:144].

Материальные права. К правам Российской Федерации в обозначенный период относились: право ратифицировать Статут [Vienna Convention... 2012:227]; право выразить намерение не стать участником международного договора; право направлять уведомления и сообщения через депозитария Статута (ст. 77 Венской конвенции). В силу статуса Российской Федерации как «участвовавшего в переговорах государства» подп. «а» п. 1 ст. 25 Венской конвенции предусматривает право поднимать вопрос о временном применении Статута. В соответствии с

¹⁰ Если договором или настоящей Конвенцией не предусматривается иное, уведомление или сообщение, сделанное любым государством в соответствии с настоящей Конвенцией: а) препровождается, если нет депозитария, непосредственно государствам, которым оно предназначено, либо, если есть депозитарий — последнему; б) считается сделанным соответствующим государством только по получении его тем государством, которому оно было препровождено, или же, в зависимости от случая, по получении его депозитарием.

¹¹ Российская Федерация действительно поддерживала определенные отношения с МУС, которые выражались, в основном, в обмене информацией в связи с рядом расследований. Это, прежде всего, расследование событий, имевших место на территории Грузии и Южной Осетии в августе 2008 г.

п. 3 ст. 12 Статута Российская Федерация имела право представить Секретарю заявление о признании юрисдикции МУС в отношении конкретного преступления.

Весьма спорным вопросом относительно статуса Российской Федерации является ее право толковать Статут. С одной стороны, вышеобозначенная обязанность уважать заключенный международный договор не допускает его одностороннего толкования [Лукашук 2004:243]. Статьи 31 и 33 Венской конвенции регламентируют основы толкования международных договоров, осуществляемого их участниками; об этом же говорит и п. 2 ст. 119 Статута. Подобное положение логично не только в силу принципа уважения заключенного договора, но и с точки зрения цели толкования, необходимого для обеспечения применения международного договора, что имеет значение именно для его участников. С другой стороны, прямого запрета на толкование договора третьими государствами в международном праве не существует; к тому же третье государство, интересы которого были затронуты, вправе высказываться по поводу любого международного договора [Лукашук 2004:244]. Следует также иметь в виду, что Россия, не будучи участником Статута, но являясь при этом постоянным членом Совета Безопасности ООН, вправе высказывать свою позицию относительно содержания как этого, так и любого другого международного договора. Однако данное право необходимо трактовать ограничительно: поскольку на Совет Безопасности ООН возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, право Российской Федерации в части толкования договора, в котором она не участвует, не может выходить за пределы вышеназванной компетенции Совета Безопасности ООН.

Находясь в статусе третьего государства, Российская Федерация имела право дать согласие на возникновение для нее прав и обязательств из международного договора (ст. 34–36 Венской конвенции). И хотя Венская конвенция (а также судебная практика [Лукашук 2004:219]) указывает на необходимость наличия намерения государств-участников, следует тем не менее признать возможность согласия Российской Федерации действовать в соответствии с договорным режимом, в частности, путем его одно-

стороннего принятия и соблюдения в части сотрудничества с МУС [Лукашук 2004: 221].

Отдельно следует сказать о статусе Российской Федерации как государства, имеющего право стать участником договора (обычно подобное обозначение относится к государству, участвовавшему в переговорах, и государствам, выразившим свое согласие на обязательность договора присоединением [Fitzmaurice 2002:42]). Это, в частности, предоставляло России право получать тексты любых предлагаемых поправок (п. 1 ст. 122 Статута), а также право стать участником договора, в который были внесены поправки (п. 3 ст. 40 Венской конвенции). Данное право было актуальным для Российской Федерации в связи с принятием государствами-участниками на Конференции по обзору в 2010 г. поправки по преступлению агрессии¹².

Также указанный статус позволял России запрашивать и получать от депозитария заверенные копии с подлинного текста договора, равно как и быть информированной о документах, уведомлениях и сообщениях, относящихся к договору, и о том, когда число подписей, ратификационных грамот или документов о принятии, утверждении или присоединении, необходимое для вступления договора в силу, было получено или депонировано (подп. «b», «e», «f» п. 1 ст. 77 Венской конвенции). В случае обнаружения ошибок в тексте Статута Россия имела право на получение копии протокола об исправлении текста (подп. «a» п. 2 ст. 79 Венской конвенции).

Процессуальные права. Несмотря на заявление о своем намерении не становиться участником Статута, Российская Федерация пользовалась и продолжает пользоваться рядом процессуальных прав.

В соответствии с п. 1 ст. 18 Статута Прокурор обязан направлять уведомление всем государствам-участникам и тем государствам, которые, учитывая имеющуюся информацию, обычно осуществляли бы юрисдикцию в отношении данных преступлений.

Российская Федерация вправе в течение одного месяца с момента получения такого уведомления сообщить Суду, что она ведет или провела расследование в отношении своих граждан или других лиц, находящихся под ее юрисдикцией, на предмет уголовно-наказуемых деяний, которые могут представлять собой преступления, подпа-

¹² Конференция по обзору Римского статута Международного уголовного суда. Доступ: <https://crimeofaggression.info/documents/6/Review-Conference-official-records-RUS.pdf> (дата обращения: 18.11.2017).

дающие под юрисдикцию МУС, и которые имеют отношение к информации, содержащейся в вышеупомянутом уведомлении Прокурора (п. 2 ст. 18).

Российская Федерация также имеет право ходатайствовать о передаче расследования в отношении этих лиц. Решение Палаты предварительного производства о продолжении расследования Прокурором, несмотря на ходатайство Российской Федерации, может быть обжаловано последней в Апелляционную палату в порядке, предусмотренном ст. 82 Статута (п. 4 ст. 18). В случае подачи апелляционной жалобы на постановление Палаты предварительного производства на основании, предусмотренном ст. 17 Статута (отсутствие юрисдикции), Российская Федерация также вправе обжаловать это же постановление на основании, предусмотренном ст. 19 (неприемлемость дела) (п. 7 ст. 18). Аналогично в случае подачи апелляционной жалобы Прокурором на решение Палаты предварительного производства о необходимости передать дело Российской Федерации последняя вправе участвовать в разбирательстве на стадии апелляции в качестве ответчика.

После передачи дела в соответствии с п. 5 ст. 18 Статута Прокурор вправе ходатайствовать перед заинтересованным государством об информировании его на регулярной основе о продвижении дела. Однако обязанность реагировать на такое ходатайство есть только у государств-участников.

Прокурор и иные органы МУС вправе направлять в компетентные органы Российской Федерации запросы о правовой помощи в соответствии с положениями ч. 9 Статута. Ответы на такие запросы со стороны Российской Федерации как третьего государства могут быть только добровольными.

Пункт 6 ст. 68 предусматривает право государства – без каких-либо ограничений касательно его участия в Статуте – ходатайствовать перед Палатой первой инстанции о принятии необходимых мер для обеспечения безопасности его служащих или представителей, а также защиты конфиденциальной и чувствительной информации. Не исключено, что интересы третьих государств могут быть напрямую затронуты в рамках судебного разбирательства в МУС. Например, в случае возбуждения МУС уголовного дела в связи с событиями в Грузии (август 2008 г.) государственные служащие Российской Федерации, а также представители ее Вооруженных сил могут быть вызваны для дачи показаний

в качестве свидетелей и допрошены, в том числе о сведениях, составляющих государственную тайну или пользующихся иной защитой. Российская Федерация вправе будет вступить в процесс с целью не допустить разглашения таких сведений или идентификации свидетеля.

Здесь же следует упомянуть ст. 72 Статута, регулирующую порядок защиты сведений, разглашение которых может представлять угрозу национальной безопасности того или иного государства. Если Российской Федерации станет известно о возможности раскрытия на любой из стадий процесса сведений или документов, затрагивающих ее национальную безопасность, она вправе во взаимодействии с Прокурором, защитой или Палатой предварительного производства либо Судебной палатой, в зависимости от обстоятельств, принимать все разумные меры для разрешения данного вопроса.

Правовой статус Российской Федерации после 16 ноября 2016 г. Поскольку Российская Федерация по отношению к Статуту была и остается третьим государством, ее правовой статус после уведомления о намерении Российской Федерации не стать участником Статута не претерпел кардинальных изменений.

Правовые последствия. Одна из фраз в Заявлении МИД России от 16 ноября 2016 г., вызывающая вопросы с точки зрения правовой квалификации, сформулирована следующим образом: «Принятое Российской Федерацией решение не стать участником Статута МУС... влечет правовые последствия, предусмотренные Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года» (*“The decision of the Russian Federation not to become a party to the Rome Statute... entails legal consequences provided for by the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969”*). Рассмотрим вопрос о том, о каких правовых последствиях для России как третьего государства может идти речь.

С позиции терминологии слово «последствия» используется в Венской конвенции применительно к государствам-участникам (ст. 21, 69–72) и государствам, выразившим согласие на обязательность для них международного договора (п. 4 ст. 69). Ни к одной из этих категорий Россия не относилась.

С целью установления возможных правовых последствий, предусмотренных Венской конвенцией, можно обратиться к п. а) ст. 18:

«Государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если оно:

а) подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения, до тех пор пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора».

Формально (хотя Венская конвенция не называет это правовым последствием) из текста приведенной статьи вытекает, что выражение намерения не участвовать в договоре является правообразующим и имеет юридическим последствием исчезновение обязанности не лишать договор его объекта и цели [Vienna Convention... 2012:172; Ssenyonjo 2017:19].

С другой стороны, подобное «правовое последствие» противоречит статусу третьего государства. Обязанность третьих государств уважать заключенный международный договор, вытекающая из основных принципов международного права и подразумевающая в том числе несовершение действий, лишающих такой договор объекта и цели, составляет одну из основ правомерности поведения любого цивилизованного государства. Что касается ст. 18 Венской конвенции, то она говорит о периоде между подписанием под условием ратификации или выражением согласия на обязательность и вступлением договора в силу, однако это не означает, что вне данного периода (в нашем случае – после заявления о намерении не стать участником) такое обязательство не существует в силу международного обычая¹³.

Таким образом, совершенно непонятно, какие именно последствия, предусмотренные Венской конвенцией, согласно рассматриваемому Заявлению, повлекло решение России.

Нормы, обязательные для Российской Федерации в силу международного обычая. Важное дополнение правового статуса России составляют не только нормы, которые, будучи положениями Статута, являются обязательными в силу международного обычая или стали таковыми в силу общих международных договоров, защита объекта и целей которых представляют правовой интерес для всех государств мира [Талалаев 1985:70; Vienna Convention... 2012:628]¹⁴, но и те нормы Статута, которые могут впоследствии стать обязательными для третьего государства в качестве обычных норм международного права,

признаваемые как таковые (ст. 38 Венской конвенции).

К первой группе норм можно отнести положения Статута, касающиеся определений и составов международных преступлений (ст. 6–8-бис), основ международного (в том числе и международного уголовного) правосудия (ст. 20, 22–23, п. 1 ст. 66, п. 1 ст. 67), срока давности за совершение международных преступлений (ст. 29), оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 27, 31–33). Вторую группу норм, отражающих тенденции, складывающиеся в международном уголовном праве, представляет ст. 70 Статута: постепенное признание характера международного обычая за нормами, регламентирующими борьбу с преступлениями против отправления правосудия. Иными словами, Россия не отказывается от борьбы с международными преступлениями, но не считает необходимым делать это в рамках процедур МУС.

Выводы. Правовой статус Российской Федерации как третьего государства с даты подписания Статута (13 сентября 2000 г.) по настоящий момент не соответствует правовому положению, которое было указано в официальных заявлениях МИД России. В силу того, что Статут никогда не был для России юридически обязательным документом, никаких существенных перемен в правовом статусе государства не могло иметь место.

Какой смысл называть «намерение не стать участником этого договора» «отзывом подписи», и почему подпись необходимо именно отозвать? Подписание Статута по большому счету с точки зрения самого договора ни к чему Российскую Федерацию не обязывало, а значит, и «отзыв подписи» не мог ничего отменить, поскольку ничего и не существовало. Уведомлением о намерении Россия не изменяла свой правовой статус, а лишь сообщала о том, что процесс оформления ее участия в Статуте прекращен. В этой связи с позиции терминологии не было смысла ни называть это действие «отзывом подписи», ни заявлять о нем, поскольку в данном случае появляются основания предполагать, что для Российской Федерации подпись могла иметь существенное значение или даже быть выражением согласия на обязательность международного договора. Более

¹³ Sayapin S. Russia's Withdrawal of Signature from the Rome Statute Would not Shield its Nationals from Potential Prosecution at the ICC. November 21, 2016. URL: <https://www.ejiltalk.org/russias-withdrawal-of-signature-from-the-rome-statute-would-not-shield-its-nationals-from-potential-prosecution-at-the-icc/> (accessed date: 18.11.2017).

¹⁴ Например, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и т.д.

того, сама подпись, поставленная под Статутом в 2000 г., не удаляется (по меньшей мере Венская конвенция не говорит о таких последствиях). Россия вправе отозвать последнее уведомление и все-таки ратифицировать (а не заново подписать и ратифицировать) Статут [Vienna Convention... 2012:172].

Некорректное использование терминологии («отзыв», “*withdrawal*” и др.) искажает суть имевшего место события и создает смысловую путаницу. Более того, фраза «намерение не становиться участником» вовсе не случайна – она является результатом многостороннего согласования и кропотливой терминологической работы. Эта формулировка в конечном итоге устроила все государства-участники, и ее нельзя заменять, дополнять, а главное – объяснять совсем другими терминами, которые разработчики Венской конвенции используют в международном договоре в совершенно иных целях.

Каковы юридические последствия для Российской Федерации от вышеуказанных заявлений МИД? С точки зрения международного права эти заявления не имеют обратной силы, они не могут придать поставленной подписи значения способа выражения согласия на обязательность международного договора или изменить правовой статус России на тот, который более соответствует использованной в заявлениях терминологии. Никаких иных последствий, в силу специфичности вопроса усугубляющих позицию России, нет. Возможно, МИД России и не имел намерения высказать именно международно-правовую позицию по рассматриваемому вопросу.

Также не следует забывать, что ни Венская конвенция, ни обычное международное право не говорят о способах, которыми может быть сделано уведомление о намерении, равно как и о корректных в этом случае терминах, которыми могут стать и во все обиходные, неправовые выражения, например “*unsigned*” [Vienna Convention... 2012:171; Ssenyonjo 2017:19] или, как в рассматриваемом случае, «отзыв подписи».

В то же время не всякую позицию государства, особенно международно-правовую, следует выражать любыми «подходящими» словами. Уровень заявлений МИД России, обращенных ко всем странам мира, слишком высок, чтобы воспринимать их иначе, нежели как официальную международно-правовую позицию. В противном случае не было бы необходимости придерживаться терминологии Венской конвенции и в тексте Распоряжения Президента.

Пренебрежение юридически закрепленными, общепризнанными формулировками, обращение к обиходной терминологии размывает ценность международного права, его специфического, конкретного языка, что в конечном счете негативно сказывается на ценности и юридической значимости самой официально заявляемой международно-правовой позиции России, которая должна избегать двусмысленности и четко дистанцироваться от любой попытки приписать государству те или иные международные обязательства.

Интересен в данном аспекте опыт США: 6 мая 2002 г. США, не являющиеся участниками Венской конвенции (а значит, не связанные обязательствами п. «а» ее ст. 18), направили депозитарию Статута уведомление о намерении не становиться участниками международного договора. Никаких терминологических искажений и расхождений ни в самом уведомлении, ни в последующих официальных заявлениях не было. Даже если исходить из предположения, что заявление МИД России, как уже говорилось, не имеет юридических последствий (хотя это спорно в контексте односторонних обязательств государств) и четкое следование терминологии представляет собой излишнюю предосторожность, возникает вопрос, почему по этому пути идут США, для которых указанная Конвенция является необязательной, а не Российская Федерация, соблюдающая Венскую конвенцию, тем более что данный документ изначально содержит все необходимые формулировки, изменять или искажать которые не было ни необходимости, ни смысла.

Список литературы

1. Лукашук И.И. 2004. *Современное право международных договоров: Заключение международных договоров*. В 2-х т. Т. 1. М.: Волтерс Клувер. 672 с.
2. Скуратова А.Ю. 2016. Россия и Римский статут Международного уголовного суда. – *Московский журнал международного права*. № 4 (104). С. 125–137.
3. Талалаев А.Н. 1980. *Право международных договоров. Общие вопросы*. М.: Международные отношения. 312 с.
4. Талалаев А.Н. 1985. *Право международных договоров. Действие и применение договоров*. М.: Международные отношения. 294 с.
5. Aust A. 2013. *Modern treaty law and practice*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University press. 516 p.
6. *Yearbook of the International Law Commission*. Vol. II. 1967. New York: United Nations. 367 p.
7. Djefall C. 2015. *Static and Evolutive Treaty Interpretation: A Functional Reconstruction*. Cambridge: Cambridge University Press. 452 p.

8. Fifth Report by Sir Gerald Fitzmaurice, Special Rapporteur. – *Yearbook of the International Law Commission*, 1960. Vol. II. 1961. New York: United Nations. P. 69–107.
9. Fitzmaurice M. 2002. Third Parties and the Law of Treaties. – *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol. 6. P. 37–137.
10. Palchetti P. 2011. Article 18 of the 1969 Vienna Convention: A Vague and Ineffective Obligation or a Useful Means for Strengthening Legal Cooperation? – *The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention*. Ed. by E. Cannizzaro. Oxford: Oxford University Press. P. 25–36.
11. Second report: revised articles of the draft convention by J.L. Brierly, Special Rapporteur. – *Yearbook of the International Law Commission*, 1951. Vol. II. 1957. New York: United Nations. P. 70–73.
12. Sinclair I. 1994. *The Vienna Convention on the Law of Treaties*. Manchester: Manchester University Press. 270 p.
13. Ssenyonjo M. 2017. State Withdrawal Notifications from the Rome Statute of the International Criminal Court: South Africa, Burundi and the Gambia. – *Criminal Law Forum. The Official Journal of the Society for the Reform of Criminal Law*. P. 1–57.
14. *Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary*. 2012. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. 1423 p.
5. Lukashuk I.I. *Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov: Zaklyuchenie mezhdunarodnykh dogovorov*. V 2-kh t. T. 1. [The Modern Law of International Treaties: conclusion of international treaties. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Volters Kluver Publ. 2004. 672 p. (In Russ.)
6. Palchetti P. Article 18 of the 1969 Vienna Convention: A Vague and Ineffective Obligation or a Useful Means for Strengthening Legal Cooperation? – *The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention*. Ed. by Enzo Cannizzaro. Oxford: Oxford University Press. 2011. P. 25–36.
7. Second report: revised articles of the draft convention by J.L. Brierly, Special Rapporteur. – *Yearbook of the International Law Commission*, 1951. Vol. II. New York: United Nations. 1957. P. 70–73.
8. Sinclair I. *The Vienna Convention on the Law of Treaties*. Manchester: Manchester University Press. 1994. 270 p.
9. Skuratova A.Yu. Rossiya i Rimskii statut Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda [Russia and the Rome Statute of the International Criminal Court]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. No 4 (104). P. 125–137. (In Russ.)
10. Ssenyonjo M. State Withdrawal Notifications from the Rome Statute of the International Criminal Court: South Africa, Burundi and the Gambia. – *Criminal Law Forum. The Official Journal of the Society for the Reform of Criminal Law*. 2017. P. 1–57.
11. Talalaev A.N. *Pravo mezhdunarodnykh dogovorov. Destvie i primeneniye dogovorov* [The Law of International Treaties. Legal Effect and Application of Treaties]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1985. 294 p. (In Russ.)
12. Talalaev A.N. *Pravo mezhdunarodnykh dogovorov. Obshchie voprosy* [The Law of International Treaties General Issues]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1980. 312 p. (In Russ.)
13. *Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary*. Berlin: Heidelberg; Springer-Verlag. 2012. 1423 p.
14. *Yearbook of the International Law Commission*. Vol. II. New York: United Nations. 1967. 367 p.

References

1. Aust A. *Modern treaty law and practice*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University press. 2013. 516 p.
2. Djeffal C. *Static and Evolutive Treaty Interpretation: A Functional Reconstruction*. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 452 p.
3. Fifth Report by Sir Gerald Fitzmaurice, Special Rapporteur. – *Yearbook of the International Law Commission*, 1960. Vol. II. New York: United Nations. 1961. P. 69–107.
4. Fitzmaurice M. Third Parties and the Law of Treaties. – *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol. 6. 2002. P. 37–137.

Информация об авторе

Иван Игоревич Сиякин,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76

ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8899-4219

Екатерина Алексеевна Копылова,

соискатель, кафедра международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76

ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0893-6044

About the Author

Ivan I. Sinyakin,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8899-4219

Ekaterina A. Kopylova,

Competitor for Candidate of Juridical Sciences Degree, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

ilc48@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0893-6044